

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 13

1 ИЮЛЯ

№ 13

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

1938

БОЛЬШЕВИК

№ 13

1 ИЮЛЯ

1938

Политико-экономический
двуихнедельник
ЦК ВКП(б)

XV год издания

Адрес редакции:
Москва, Ленинградское
шоссе, ул. „Правды“, 24.
Тел. Д 3-30-11
Д 3 06 06.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ — Великая дружба народов СССР	1
Займы Советского государства	8
ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ — Героическая борьба испанского народа	19
А. ЗВЕРЕВ — Бюджет Советского Союза	39
И. САУТИН — Рост социалистического животноводства	51
Л. ГАТОВСКИЙ — Ликвидировать последствия вредительства в системе Наркомторга	65

Консультация

И. ЛЕВИТАНУС — МТС как государственные предприятия	77
--	----

Критика и библиография

Л. ИЛЬЧЕВ — «К вопросу о роли личности в истории» Г. В. Плеханова. Госполитиздат. 1938	87
--	----

Великая дружба народов СССР

Дни величайшей радости и подъёма переживала наша страна за истекший месяц: народы СССР избирали Верховные Советы союзных и автономных республик. Блестящая победа сталинского блока коммунистов и беспартийных нашла свое ярчайшее выражение в повсеместном единодушном избрании кандидатов народа. Во всех Советских республиках выборы прошли как подлинно всенародный праздник рабочих, крестьян и интеллигенции, как величайший праздник социалистического демократизма.

В странах так называемой буржуазной демократии провозглашается формальное равноправие, но на деле подавляющее большинство граждан является эксплуатируемым и бесправным, а меньшинство, в руках которого находится власть, эксплуатирует и угнетает народ. Подлинной демократии никогда не было и не может быть в эксплоататорском обществе. При рабовладельческом строе властвовали рабовладельцы, при феодальном — землевладельцы-феодалы, в буржуазном обществе буржуазия осуществляет свою диктатуру, которая в ряде буржуазных стран носит фашистскую звериную форму террора, разнужданного бандитизма по отношению к трудящимся. Даже в самых демократических буржуазных государствах демократия ограничена для трудящихся узкими рамка-

«К вопросу о роли личности в истории» Г. В. Плеханова

Государственное издательство политической литературы. 1938. 300 тыс. экз. 25 коп.

Г. В. Плеханов вошел в историю как выдающийся представитель науки. С того времени, как Плеханов стал на позиции марксизма, и до тех пор, пока не отошел от него, он играл большую роль в развитии передовой общественной мысли в России, роль трибуна марксистских идей.

Ленин и Сталин, с деятельностью которых связана новая, более высокая ступень в развитии марксизма, всегда ценили выдающиеся заслуги Плеханова в рабочем движении, в пропаганде революционного мировоззрения. Ленин и Сталин дали исчерпывающую оценку той роли, которая выпала на долю Плеханова.

Являясь выдающимся теоретиком марксизма, обладая талантом блестящего популяризатора, владея глубокими познаниями в различных областях науки — в истории, литературе, искусстве, философии,— Плеханов умел живо, образно и ярко изложить сложнейшие вопросы марксистской теории, донести их суть до читателя в форме доступной и увлекательной. К этому нужно прибавить страсть и непримиримость, которые характеризовали Плеханова в пору, когда он был диалектическим материалистом, когда он с жаром отстаивал марксистское мировоззрение и наносил меткие и чувствительные удары врагам рабочего движения.

Плеханов создал целый ряд выдающихся марксистских работ. Ленин и Stalin указывают, что эти работы надо внимательно и серьезно изучать. Lenin предлагал включить их в «серию обязательных учебников коммунизма» и требовал, чтобы наши профессора философии знали изложение «марксистской философии Плехановым». Наиболее ценные работы Плеханова, блестящие и со знанием дела популяризирующие марксистское мировоззрение, написаны в 1883—1903 годах. В это двадцатилетие Плеханов несмотря на ряд отдельных ошибок в целом стоял на позициях марксизма и ему удалось создать «массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников» (Ленин). Лучшие свои работы Плеханов создавал и мог создавать лишь в борьбе с врагами марксизма. Ревизионисты, оппортунисты и в первую очередь народники не раз испытали уничтожающий сарказм острой плехановской критики.

О таких работах Плеханова, как «Социализм и политическая борьба» (1883 г.), «Наши разногласия» (1885 г.), Lenin в 1889 году писал, что Плеханов дал в них беспощадную критику народнических теорий и «указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии...»¹. Не менее высоко оценивал Lenin и такие работы Плеханова.

¹ В. И. Lenin. Соч. Т. II, стр. 540.

ханова, как «Н. Г. Чернышевский» (1894 г.), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895 г.), «Очерки по истории материализма» (1896 г.), «О материалистическом понимании истории» (1897 г.), «К вопросу о роли личности в истории» (1898 г.)¹.

Эти произведения дают представление о тех вопросах, которые стояли в центре теоретической и политической борьбы и в свое время волновали целые общественные классы. От разрешения этих вопросов зависело то, как и куда будет двигаться общественное развитие, какой класс будет вершителем судеб общественного прогресса. В этих произведениях были поставлены злободневные научные и острые политические вопросы, причем к разрешению их были привлечены обширные исторические факты, примеры, иллюстрации. Поэтому они не теряют своего значения даже много времени спустя после их появления.

В ряду этих произведений одно из первых мест занимает статья Г. В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории», изданная сейчас отдельной брошюкой. Эта работа содержит блестящее популярное изложение и защиту исторического материализма Маркса и Энгельса. В ней наш советский читатель найдет марксистские положения, которые и в настоящее время могут принести большую пользу для овладения марксистско-ленинским учением об общественном развитии, в борьбе с пережитками тех враждебных марксизму взглядов, против которых в свое время так талантливо боролся Плеханов.

Как и другие работы Плеханова, написанные в 80—90-х годах, статья «К вопросу о роли личности в истории» являлась откликом на живо-трепещущие вопросы, которые составляли основу борьбы за революционное мировоззрение рабочего класса. Она затронула вопросы, над разрешением которых билась не только русская, но и международная теоретическая мысль. По вопросу о закономерности общественного развития, о роли великих людей в истории известное распространение получили антинаучные взгляды, грозившие сбить с толку общественную мысль, отвести ее в сторону, прямо противоположную той, где находилось единственное научное решение этого вопроса.

Так же, как и в России, в странах Западной Европы в то время имели хождение «теории», представители которых склонны были видеть в деятельности великих людей главную и чуть ли не единственную пружину исторического развития. Это не могло не вести к отрицанию закономерности исторического развития. С другой стороны, распространились «теории», согласно которым историческое развитие предопределялось каким-то «роком», и независимо от того, будут или не будут существовать и действовать выдающаяся личность, классы, партии, и даже вопреки им, — это развитие будет идти своим чередом, осуществляя то, что было в нем заложено с фатальной необходимостью (философия «сиди и жди»). Этого в свою очередь не могло не вести к отрицанию какой бы то ни было роли личности в истории.

В применении к революционному движению рабочего класса теоретические взгляды, принявшие такую крайне уродливую, антинаучную форму, приводили и в том и в другом случае к отказу от массовой политической борьбы, к обезглавлению и разоружению рабочего движения, подчиняя его влиянию буржуазных и мелкобуржуазных политиков.

Перед марксистами стояла задача: широко популяризируя единственно научное, марксистское понимание законов общественного развития, вооружая им передовые общественные силы, в первую очередь

¹ См. замечания Ленина об этих работах. Лен. сб. XXV, стр. 206. Соч. Т. II, стр. 634; соч. Т. XIV, стр. 347; соч. т. XVIII, стр. 39.

рабочий класс, вести одновременно борьбу и с народничеством — злым врагом марксизма — и с «легальными марксистами» типа Струве, говорившими о «непреодолимых исторических тенденциях», заявлявшими, что раз люди не в силах изменить исторического развития, нужно, мол, отказаться от всякой борьбы. Без разгрома прежде всего народников и их реакционных, суб'ективно-идеалистических теорий (в первую очередь так называемой теории «героев» и «толпы»), наносивших огромный вред рабочему классу, невозможно было достигнуть заметных успехов в развитии революционного движения. Первым выступив против народничества, Плеханов нанес ему решающий удар, в значительной степени помог обезвредить теории народников, в том числе теорию «героев» и «толпы», легшую в основу их вреднейшей для рабочего класса тактики индивидуального террора.

В рецензируемой работе Плеханов со свойственным ему мастерством глубоко и ясно излагает взгляды марксизма на ход общественного развития. Он правильно защищает то основное положение исторического материализма, что общественное развитие есть строго закономерный, необходимый процесс, а не продукт капризной и произвольной деятельности отдельной личности. Марксистское понимание закономерности в развитии общества — величайшее достижение человеческой мысли. Благодаря Марксу и Энгельсу впервые были вскрыты действительные пружины движения человеческого общества, открыта и показана роль масс в истории.

Вместе с тем, рассматривая общественное развитие как закономерный, естественно необходимый процесс, марксизм отнюдь не сбрасывает со счетов деятельности выдающихся личностей и не противопоставляет их законам развития общества. Наоборот, только марксизм впервые действительно научно доказал, что личность при известных условиях «может явиться великой общественной силой» и что «люди сами творят свою историю». Враги пытались извратить эти взгляды марксизма. С особым рвением клеветали на марксизм народники: они пытались навязать марксизму антинаучный, реакционный взгляд, согласно которому значение выдающейся личности в истории сводилось к нулю, а сама история превращалась в нечто фатальное, безлиое.

Об одном «почтенном социологе», носителе этой клеветы, Плеханов едко писал: «Эклектические свойства его ума особенно ярко выражались впоследствии в нападках его на диалектический материализм, в котором он увидел учение, жертвующее экономическому «фактору» всеми другими и сводящее к нулю роль личности в истории»¹. Плеханов страшно разоблачает эту злую клевету на марксизм, показывая, что марксизму чужда подобная антинаучная точка зрения.

Извращая взгляды марксизма, народники-суб'ективисты стремились представить дело так, как будто вопрос о роли личности в истории поставлен впервые ими. А в действительности, как справедливо замечает Плеханов, суб'ективисты никогда не умели не только решать, но даже и правильно поставить вопрос о роли личности в истории. «Они противополагали «деятельность критически мыслящих личностей» влиянию законов общественно-исторического движения и, таким образом, создавали как бы новую разновидность теории факторов; критически мыслящие личности являлись одним фактором названного движения, а другим его фактором служили его же собственные законы» (стр. 14—15). Последнее положение имеет принципиальное значение. Плеханов правильно замечает, что подобно представителям «теории факторов»

¹ Г. В. Плеханов. «К вопросу о роли личности в истории», стр. 6. Гос. изд-во политической литературы. 1938. В дальнейшем ссылки на рецензируемую книгу даются в тексте.

субъективисты-народники не могли вылезти из болота дуализма¹ и подобно им же доходили до геркулесовых столбов абстракции, за которой начиналось «комическое царство вполне уже очевидного абсурда» (стр. 6). Тот анализ абсурдности и несостоятельности «теории факторов», который дает Плеханов, целиком относится и к «теориям» народников, ибо они, по существу, воспроизводили основные устои «теории факторов», создавая лишь новую ее разновидность.

Отрицая закономерность общественного развития, субъективисты-народники проповедывали глубоко антинародную теорию полной зависимости исторического процесса от произвола так называемой «критически мыслящей личности». Субъективисты не скрывали своего презрительного отношения к народному движению, всячески подчеркивая «инертность», «пассивность» народа. Из так называемой теории «героев» и «толпы» непосредственно вытекала народническая, а впоследствии эсеровская тактика террористической борьбы, враждебная делу рабочего класса, делу организации политической партии пролетариата. Отсюда понятно, как политически актуальны были вопросы, освещенные Плехановым в его ранних работах, в частности в статье «К вопросу о роли личности в истории».

Плеханову принадлежат замечательные слова, остроумно высмеивающие субъективно-идеалистические, реакционные взгляды. Воображая себя творцом истории, так называемая «критически мыслящая личность» причисляет себя и себе подобных к высшей разновидности человеческого рода. Все остальное образует «толпу», лишенную критической мысли, массу — глину, из которой «критически мыслящая единица» может лепить все, что ей вздумается. «Герою» противостоит «толпа». Первый не может не смотреть на вторую сверху вниз, — «не может не сознавать, что все дело в нем, в герое, между тем как толпа есть чуждая всякого творческого элемента масса, что-то вроде огромного количества нулей, получающих благотворное значение только в том случае, когда во главе их снискходительно становится добрая «критически мыслящая единица»².

Были ли взгляды субъективистов-народников «оригинальными» или это был лишь перепев уже изрядно потрепанных теорий? Плеханов справедливо указывает, что во взглядах субъективных социологов нет ничего нового. Он приводит следующий очень яркий пример. Уже в XVIII веке Мабли, сводивший историю к сознательной деятельности личностей, учил, что Минос явился творцом социально-политической жизни и нравов критян, а Ликург сделал то же для Спарты. «Если спартанцы «презиралли» материальное богатство, то этим они обязаны были именно Ликургу, который «спустился, так сказать, на дно сердца своих сограждан и подавил там зародыш любви к богатствам»... А если спартанцы покинули впоследствии путь, указанный им мудрым Ликургом, то в этом виноват был Лизандр, уверивший их в том, что «новые времена и новые обстоятельства требуют от них новых правил и новой политики» (стр. 19).

Плеханов глубоко прав, указывая, что подобного рода исследования имели очень мало общего с наукой: они скользили по поверхности явлений, изучали «просвещенные личности» и объясняли историю человечества природой самого человека. Если у мыслителей XVIII века на первом плане стояла «просвещенная личность» и «мнение правило миром», то, в сущности, та же личность, но теперь уже в образе «критиче-

¹ Дуализм — от латинского слова *«dualis»* (двойственный). Учение, основанное на признании двух несводимых начал. Противоположен монизму, исходящему из одного начала.

² Г. В. Плеханов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», стр. 79. Гос. изд-во политической литературы. 1938.

ского духа», столь же презрительно относившегося к «толпе», появилась в середине XIX века у братьев Бауэр, беспощадными обличителями которых были Маркс и Энгельс.

Таким образом, субъективисты-народники только повторяли давно разбитые марксизмом идеалистические взгляды, придав им, впрочем, то новое, что теперь личность была названа «критически мыслящей». Если критика, которой Маркс и Энгельс подвергли субъективизм 40-х годов XIX века, «попадает не в бровь, а в глаз нашим субъективным мыслителям, то дело обясняется тем простым обстоятельством, что в нашем субъективном вздоре нет решительно ничего оригинального: он представляет собою не более, как лубочный «сузdalский» снимок с карикатуры той самой «тегельянчины», против которой он так неудачно воюет...»¹.

С полным основанием Плеханов указывал, что субъективно-идеалистические взгляды народников теоретически представляют собою вопиющее убожество, а политически не могут не приносить большого вреда. Не без участия Плеханова, «учение субъективистов», говоря его же словами, «стало трещать по всем швам и даже совсем расплзаться, подобно знаменитой шинели Акакия Акакиевича» (стр. 15).

Остро и метко критикуя субъективную социологию, Плеханов в рецензируемой статье подвергает критике и другую, не менее вредную и теоретически несостоятельную крайность. Пытаясь противопоставить субъективной точке зрения на общественное развитие точку зрения «объективную», сторонники последней забывали, что история делается людьми. «Если некоторые субъективисты,— замечает Плеханов,— стремясь отвести «личности» как можно более широкую роль в истории, отказывались признать историческое движение человечества законосообразным процессом, то некоторые из их новейших противников, стремясь как можно лучше оттенить законосообразный характер этого движения, повидимому, готовы были забыть, что история делается людьми и что поэтому деятельность личностей не может не иметь в ней значения» (стр. 15).

В теории эта вторая крайность означает безысходный фатализм; законы развития истории выступают в виде прорицания, «рока». Человек так же мало может вмешиваться в ход развития истории, как мало может он перестать быть человеком. Политически из этой теории делался вывод о необходимости отказаться от борьбы за революционное изменение общества на том основании, что будто бы личность,— а следовательно, масса, класс — лишь пена на поверхности волны и что они бессильны бороться против железных законов истории.

Так же, как в борьбе с народниками-субъективистами, Плеханов на большом количестве исторических иллюстраций, анализируя взгляды старых школ, блестящее показал, что исторический фатализм есть идеалистическое обяснение общественного развития. Та разновидность исторического фатализма, которую критикует Плеханов, покоятся на убеждении, что раз удалось изучить природу человека, то становится ясной вся история человечества. В этом случае собственные настроения, идеалы личности окрашиваются в цвет неотвратимой необходимости, а сознательная деятельность человека превращается в основную пружину исторического движения.

Плеханов в своей работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» высказал следующую глубокую мысль по поводу

¹ Г. В. Плеханов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», стр. 81. Гос. изд-во политической литературы. 1938.

исторического фатализма: «Фатализм в истории нисколько не мешает утопическому отношению к действительности на практике. Напротив, он содействует ему, обрывая нить научного исследования. Фатализм, в общем, нередко идет рука об руку с самым крайним субъективизмом. Фатализм сплошь и рядом об'являет неотвратимым законом истории свое собственное настроение».

Крайности сходятся! Фатализм есть тот же самый субъективизм. Это замечание Плеханова бьет не в бровь, а в глаз субъективным социологам-народникам. Ведь это они утверждали, что ради своего душевного обихода «критически мыслящая личность» создает свою собственную историю и об'являет ее наиболее пригодной и соответствующей подлинной истории. Субъективизм народников идет рука об руку с фатализмом. Плеханов мастерски разоблачает злую клевету народников, утверждавших, будто марксизм, признавая закономерность общественного развития, превращает историю в фатальное пророчество. Однако, как справедливо полагал Плеханов, это утверждение, будучи обращено против самих народников, становилось истиной.

Умело и остроумно обнажая внутреннее убожество и несостоятельность враждебных марксизму взглядов, Плеханов в своей статье «К вопросу о роли личности в истории» продолжает защиту и обоснование марксистского понимания общественного развития. Он показывает все величие материалистического понимания истории, столь верно и полно вскрывающего законы развития человеческого общества, столь глубоко и правдиво об'ясняющего прошлое, дающего возможность научно предвидеть перспективы развития этого общества.

Марксизм впервые в истории человеческой мысли правильно поставил и разрешил вопрос о том, что является основной причиной общественного развития. Плеханов, отстаивая позиции марксизма в этом вопросе, замечает: «Последняя причина общественных отношений заключается в состоянии производительных сил» (стр. 28). Состоянием производительных сил общества, в конечном счете, нужно об'яснить все те надстройки, которые возвышаются над экономической структурой общества. Только там, где историческое развитие об'ясняется не природой человека, а сама человеческая природа об'ясняется историческим развитием, как учит исторический материализм,— только там открывается возможность научно об'яснить весь ход истории как естественно-необходимый, закономерный процесс, внутренней основой которого является борьба классов. Только с этой точки зрения можно правильно об'яснить роль личности в истории.

Если история развивается закономерно и необходимо, то какова роль личности, может ли личность оказать влияние на развитие истории? Марксизм дает единственно научное и единственно правильное об'яснение того влияния, которое может оказать личность на развитие истории.

Материалистов издавна обвиняли в том, что их понимание воли несовместимо с самодеятельностью личности. Плеханов в рецензируемой работе показывает, что «материалистический взгляд на человеческую волю прекрасно уживается с самой энергичной деятельностью на практику» (стр. 7). Из того, что мы уверены в необходимости какого-либо явления, например, уверены в необходимости и неизбежности гибели капиталистического общества и победы социалистического общества, еще не вытекает непризнание активной человеческой деятельности. Наоборот, история делается людьми, подчеркивает Плеханов положение марксизма. И люди, проникнувшись убеждением, что в их сознании отражается об'ективно существующая необходимость, не могут не хотеть реализации этой необходимости, они активно борются за нее. Рабочий

класс, вооруженный теорией марксизма-ленинизма, активно борется за свержение капитализма и за установление социалистического общества.

Обосновывая марксистский взгляд на роль личности в истории, Плеханов приводит пример, блестяще разъясняющий марксистское учение о свободе как познанной необходимости. По учению марксистов, капитализм ходом своего собственного развития придет к гибели. Это историческая необходимость. Марксист «служит одним из орудий этой необходимости и не может не служить им как по своему общественному положению, так и по своему умственному и нравственному характеру, созданному этим положением. Это тоже сторона необходимости. Но раз его общественное положение выработало у него именно этот, а не другой характер, он не только служит орудием необходимости и не только не может не служить, но и страстно хочет и не может не хотеть служить. Это — сторона свободы и притом свободы, выросшей из необходимости, т.-е. вернее сказать, — это свобода, отождествившаяся с необходимостью, — это необходимость, преобразившаяся в свободу» (стр. 11—12).

Понимая таким образом свободу действия людей, которую марксизм не отрицает, легко видеть, что попытки таких буржуазных критиков марксизма, как Штаммлер, стремившихся найти «противоречие» между учением марксизма о закономерности развития общества и активным действием людей в истории, могли быть только архинелепыми, а их примеры с партиями «лунного затмения» могли возникнуть только «в сумашедшем доме». Коль скоро осознана необходимость данного явления и люди (и революционная партия) считают себя одной из сил, вызывающих это явление, их деятельность усиливается, они проникаются горячим желанием реализовать эту необходимость — таков правильный вывод Плеханова.

Признание того, что личность благодаря тем или иным особенностям своего характера может играть крупную роль в обществе, оказывать влияние на его развитие, никак не противоречит положению марксизма о том, что общество развивается закономерно, как естественно-исторический процесс. Марксизм не противопоставляет законы развития общества действиям людей: действия последних он об'ясняет организацией общества, соотношением классовых сил, сложившихся на определенном этапе развития производительных сил. «Характер личности является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постолько, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» (стр. 26). То обстоятельство, что, например, бездарные генералы, их фаворитки, король Людовик XV могли оказать на судьбы Франции в период «семилетней войны» такое гибельное влияние, которое привело к поражению Франции, об'ясняется вовсе не «шальным атомом», засевшим в их головах. Как самая возможность этого влияния, так и размеры его, в конечном счете, об'ясняются организацией общества, и это влияние вообще могло иметь место «лишь при данных общественных условиях» (стр. 25). Общественное влияние личностей, обусловленное состоянием общества, «не только не противоречит» понятию о закономерности общественного развития, «но служит одной из самых ярких его иллюстраций» (стр. 27).

Здесь имеется и другая сторона, без выяснения которой часто очень трудно об'яснить целый ряд явлений, совершающихся в общественном развитии.

Плеханов пишет: «Обусловленная организацией общества возможность общественного влияния личностей открывает дверь влиянию на исторические судьбы народов для так называемых случайностей» (стр. 27).

Несмотря на то, что Плеханов не приводит определения случайности как формы проявления необходимости, данного Марксом и Энгельсом, рассматриваемые им примеры правильно разъясняют марксистское понимание соотношения случайности и необходимости. Пороки Людовика XV были необходимым следствием состояния его организма, но они были случайны по отношению к общему ходу истории Франции. Появление европейцев в Америке для жителей Мексики и Перу было случайностью, ибо оно не вытекало из развития этих стран. Но не случайностью было то, что европейцы легко преодолели сопротивление туземцев. Все эти и подобные им случайности не прошли в истории бесследно: они оказали известное влияние на ход общественного развития. Но при других социально-экономических условиях их влияние могло быть другим. А это значит, что сами случайности являются стороной необходимости, их влияние, большее или меньшее, в конечном счете, можно обяснить только организацией общества, уровнем развития производительных сил.

Плеханов вскрывает истоки идеалистического понимания случайности, согласно которому история может пойти совершенно другими путями благодаря самым ничтожным причинам, например, из-за того, что в голове какого-нибудь короля зашалил какой-нибудь «атом». «Случайные явления,— замечает Плеханов,— и личные особенности знаменитых людей несравненно заметнее, чем глубоко лежащие общие причины» (стр. 35). Поэтому, например, философы XVIII века больше обращали внимание на рассмотрение деятельности знаменитых людей чем на раскрытие действительных причин развития человеческой истории.

Общественный человек, правильно замечает Плеханов, сам создает свои, т. е. общественные, отношения. И если ему удается создать такие, а не другие отношения, то это обясняется вовсе не тем, что человек действует без причины и по своему усмотрению: его действия обуславливаются состоянием производительных сил общества. Например Бисмарк даже на вершине своего могущества не смог бы вернуть Германию к натуральному хозяйству. «Никакой великий человек,— говорит Плеханов,— не может навязать обществу такие отношения, которые уже не соответствуют состоянию этих сил или еще не соответствуют ему» (стр. 38—39). И в этом смысле человек не может делать историю; он напрасно пытался бы повернуть историю вспять.

Общество развивается закономерно, оно имеет свою логику развития. Люди не могут думать, действовать вне тех общественных условий, в которых протекает их деятельность. Общественное бытие определяет общественное сознание. Если человек знает, в каком направлении развивается общество, знает, что это развитие происходит в силу перемен в общественном способе производства, то ему становится известно также, в каком направлении изменится и общественное сознание. А влиять на общественное сознание — значит влиять на исторические события.

Люди (и выдающаяся личность) не могут делать историю, пока они не сообразуются с законами развития общества, пока они пытаются стать выше тех условий, в которых живут и действуют. Но выдающаяся личность может оказать большое влияние на общественное развитие, если ей известны законы общественного развития, если она глубже других и дальше других видит направление в развитии общества и свою деятельность рассматривает как выражение закономерного и естественного развития общества.

«Великий человек велик... тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшим под влиянием общих и особенных причин. Карлейль в своем известном сочинении о героях называет великих людей начальниками (Beginners). Это очень удачное название. Вели-

кий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила» (стр. 38). Это центральный вывод, к которому приходит Плеханов в рецензируемой статье.

Появление выдающихся людей всегда обусловливалось большими историческими переломами в общественном развитии. Таланты появлялись там и тогда, где и когда для этого создавались наиболее благоприятные условия. Блестящим подтверждением этого является подлинный расцвет талантов в условиях социалистического строя.

* * *

Роль Плеханова в распространении марксизма в России исключительно велика. Однако Плеханов в условиях новой эпохи, эпохи империализма и пролетарской революции, оказался неспособным, выражаясь его же собственными словами, решить «научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества».

Ключ к пониманию позднейшего оппортунистического грехопадения Плеханова — его отрыв от рабочего класса. Как только Плеханов потерял связь с рабочим классом и скатился в болото оппортунизма, он был отброшен и забыт. «Плеханов,—отмечал товарищ Сталин в беседе с Э. Людвигом,—пользовался совершенно исключительным авторитетом. И что же? Как только он стал политически хромать, рабочие его забыли, отошли от него и забыли его».

Этим же в конечном счете нужно объяснить тот порок Плеханова, который свойствен всем деятелям II интернационала, а именно: разрыв теории и практики. Плеханов не сумел выйти за пределы II интернационала, лучшим теоретиком которого он был.

Высший этап в развитии марксизма связан с деятельностью Ленина и Сталина. Они обогатили понимание законов развития общества на опыте революционного движения рабочего класса в эпоху империализма и пролетарской революции, в эпоху победоносного строительства социализма.

В их произведениях даны исчерпывающие ответы на вопрос о роли личности в истории. Уже в своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», написанной в 1894 году, Ленин подверг жесточайшей критике как субъективную социологию народников, так и «теории» апологета капитализма — Струве. Ленин беспощадно разоблачает теоретически совершенно бессодержательные утверждения столпа народничества Михайловского о том, что якобы «живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх». В этом положении заключен ярко выраженный субъективизм. Ленин от этой «теории» не оставляет камня на камне. «История вся и состоит из действий личности,— пишет Ленин,— и задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия...»¹ Наряду с критикой субъективизма в этой работе, как и в последующих, Ленин дает глубочайшее разрешение вопроса о движущих силах истории, раскрывает роль классов в общественном развитии, показывает, какова роль личности в истории.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 273.

Товарищ Сталин развивает дальше взгляды марксизма о закономерности развития общества, о роли выдающихся людей в истории. В беседе с Э. Людвигом товарищ Сталин говорил:

«Марксизм вовсе не отрицает роли выдающихся личностей или того, что люди делают историю... Но, конечно, люди делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение родилось. И великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить. Если они этих условий не понимают и хотят эти условия изменить так, как им подсказывает их фантазия, то они, эти люди, попадают в положение Дон-Кихота. Таким образом, как раз по Марксу вовсе не следует противопоставлять людей условиям. Именно люди, но лишь поскольку они правильно понимают условия, которые они застали в готовом виде, и лишь поскольку они понимают, как эти условия изменить, — делают историю».

Ленин и Сталин — великие вожди пролетариата, гениальные теоретики марксизма. Они всегда подчеркивали, что подлинным творцом истории является народ, всегда ценили труд рабочих и крестьян, который «является на самом деле трудом великим и творческим, решающим судьбы истории» (Сталин).

Рабочий класс породил и выдвинул своих подлинных, величайших вождей, неразрывно связанных с матерью-землей, с народом. Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин — величайшие личности, олицетворяющие интересы подлинного творца истории — народа.

Л. ИЛЬЧЕВ

ПОПРАВКА

В № 12 «Большевика» по техническому недосмотру допущены опечатки. На стр. 30, строка 26 сверху, напечатано: «Об этом еще в 1891 году Маркс писал...» Следует читать: «Об этом еще в 1871 году Маркс писал...» На стр. 79, строка 25 сверху, вместо 1933 года следует читать 1938 год.

Уполномоченный Главлита № Б—48026.

Тираж 550 000 экз.

В 1 п. л. 62 000 зн. 6 печ. лист.

Изд. № 667.

Редакционная коллегия

Материал сдан в набор I/VII 1938 г. Подписано к печати 5/VII 1938 г. Зак. 1740

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.